

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.10>

Сизова Ирина Игоревна

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПОЭТИКА РАССКАЗА Л. Н. ТОЛСТОГО "ГДЕ ЛЮБОВЬ, ТАМ И БОГ"

В статье впервые на основе всех известных к настоящему времени рукописей рассматриваются история создания, а также проблемы редакций литературного источника рассказа Л. Н. Толстого "Где любовь, там и Бог"; вводятся в научный оборот ранее не учтенные архивные материалы. Формирование элементов поэтики этого произведения прослежено полно и всесторонне, по всему рукописному фонду, в отличие от сложившейся научной традиции: предшественники обращались только к выборочно опубликованным фрагментам. Автором представлен новый взгляд на осмысление писателем литературного источника рассказа - рождественской сказки "Отец Мартин" французского писателя Рубена Сайяна (Ruben Saillens). На художественно-биографическом материале показано, каким образом эта работа отвечала эстетическим и нравственно-философским воззрениям Толстого, раскрывала его гражданскую позицию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/8/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 53-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

12. **Лядова Е. А.** Историческая и структурно-поэтическая парадигма трагедии Е. Замятина «Атилла»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2000. 24 с.
13. **Лядова Е. А.** Историческая и структурно-поэтическая парадигма трагедии Е. И. Замятина «Атилла»: дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2000. 185 с.
14. **Мифы народов мира:** энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. Т. 1. 672 с.
15. **Мифы народов мира:** энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. Т. 2. 719 с.
16. **Полякова Л. В.** О «скифстве» Евгения Замятина: художник в полемике «западников» и «славянофилов». Контур проблемы // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: в 14-ти кн. / под ред. Л. В. Поляковой. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. Кн. VII. С. 12-46.
17. **Попова А. В.** Образ волка в творчестве Е. Замятина (на материале романа «Бич Божий») // Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности (к 150-летию Е. И. Замятина): материалы Международного конгресса литературоведов / отв. ред. Л. В. Полякова. Тамбов: ТГУ, 2009. С. 654-658.
18. **Пушкин А. С.** Песнь о вещем Олеге [Электронный ресурс] // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 20-ти т. СПб.: Наука, 2016. Т. 2. URL: <http://www.lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=zv6gnBAoLgw%3D&tabid=10326> (дата обращения: 27.04.2019).
19. **Славянские древности:** этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения Российской академии наук. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. 704 с.
20. **Сутягина Н. Н.** К проблеме анимализма художественной прозы Евгения Замятина // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: в 14-ти кн. / под ред. Л. В. Поляковой. Тамбов: Издательство ТГУ, 2004. Кн. XII. С. 256-257.

ZOOMORPHIC MOTIVES IN YE. I. ZAMYATIN'S TRAGEDY "ATTILA"

Plaksitskaya Natal'ya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology
Saprykina Margarita Vladimirovna
Bunin Yelets State University
nplak@yandex.ru; sapryckina.margarita@yandex.ru

The article examines the peculiarities of zoomorphic motives in Ye. I. Zamyatin's tragedy "Attila". Relevance of the study is determined by the fact that this problem has not previously attracted researchers' attention, though zoomorphic motives, being an efficient expressive-evaluative means, also bear important semantic and symbolic load. The paper argues that in "Attila", zoomorphic motives are not only techniques to describe a personage, emphasizing his individual features, clearly representing the peculiarities of his character. These motives help the writer to reconstruct the psychological type of a nation and serve as an important artistic means to implement Zamyatin's historiosophical and poetical conception the essence of which is the idea of confrontation of two cultures: Roman, on the one hand, with its heartlessness, meanness and hypocrisy, and, on the other hand, Hunnic, characterized by naturalness and sincerity.

Key words and phrases: Ye. I. Zamyatin; "Attila"; zoomorphic motives; wolf motive; snake motive; bird motive.

УДК 82(091); 82-3; 82-32; 801.73; 82:801.6
<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.10>

Дата поступления рукописи: 11.06.2019

В статье впервые на основе всех известных к настоящему времени рукописей рассматриваются история создания, а также проблемы редакций литературного источника рассказа Л. Н. Толстого «Где любовь, там и Бог»; вводятся в научный оборот ранее не учтенные архивные материалы. Формирование элементов поэтики этого произведения прослежено полно и всесторонне, по всему рукописному фонду, в отличие от сложившейся научной традиции: предшественники обращались только к выборочно опубликованным фрагментам. Автором представлен новый взгляд на осмысление писателем литературного источника рассказа – рождественской сказки «Отец Мартин» французского писателя Рубена Сайяна (Ruben Saillens). На художественно-биографическом материале показано, каким образом эта работа отвечала эстетическим и нравственно-философским воззрениям Толстого, раскрывала его гражданскую позицию.

Ключевые слова и фразы: Лев Толстой; «Где любовь, там и Бог»; датирование; редакция; вариант; история текста; поэтика; литературный источник; Рубен Сайян (Ruben Saillens); жанр рождественского рассказа.

Сизова Ирина Игоревна, к. филол. н.

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
u_sizova@bk.ru

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПОЭТИКА РАССКАЗА Л. Н. ТОЛСТОГО «ГДЕ ЛЮБОВЬ, ТАМ И БОГ»

Целью статьи является анализ истории создания, поэтических особенностей рассказа Л. Н. Толстого «Где любовь, там и Бог» (17 марта – 17 мая 1885 г.). Впервые к изучению привлечен весь рукописный фонд произведения. В его составе шесть документов, рукопись [11] и четыре копии [12-16]; вторая состоит

из двух частей [12-13]. С последней – четвертой [16] – осуществлялся набор в типографии И. Д. Сытина. Сведения о наличии первой части второй копии [12] вводим в научный оборот впервые [9, с. 276-278]. К настоящему времени не опубликованы варианты первой, второй, третьей и четвертой копий.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что в обширной научной литературе, посвященной этому произведению, остаются открытыми ряд вопросов, которые определяют основные направления настоящего исследования. **Научная новизна** состоит в том, что впервые восстановлены все этапы творческой работы автора над текстом, выявлены ранее неизвестные или обойденные по каким-то причинам особенности его творческого осмысления литературного источника. Подчеркнем, что вопрос редакций этого рассказа мы рассматривали в литературоведческом ключе как формирование от рукописи к рукописи элементов содержания и формы.

До настоящего времени жанровая специфика рассказа Толстого рассматривалась вне его связи с литературным источником, который по эстетическому качеству и соответствующей структуре относится к календарной литературе. Рождественский рассказ – это особая разновидность повествования, приуроченная к Рождеству Христову [7, с. 243-244]. Действие произведения развивается в канун Рождества, его пафос превозносит христианские заповеди и нравственные ценности [Там же, с. 245]. Движет конфликт возрождение героя, пережившего жизненные невзгоды и душевный кризис. Категория фантастического, сверхъестественные образы тесно связаны с религиозным сознанием, сочетают реальное и символично-аллегорическое изображение действительности [25, с. 368-369]. Культ дома и очага, которые противостоят уличному ненастью и житейским невзгодам, утверждает традиция, идущая от творчества Ч. Диккенса [7, с. 244]. Среди литературных персонажей часто присутствуют образы детей [Там же]. Отметим еще один «облик» жанра – радостный, счастливый финал [Там же].

Заглавие рассказа этапно трансформировалось. Сначала по аналогии с источником – «Дядя Мартын» [11]; затем в связке с толстовской идеей о деятельной любви к людям как приближении человека к Богу – «Где любовь, там и Бог» [13]. «Рабочее» название прослеживается в эпистолярном общении писателя с современниками: «Мартын», «Дедушка Мартын», «Сапожник» [18, с. 235; 19, с. 161, 173]. Развернутый вариант был придуман по просьбе В. Г. Черткова для соответствия лубочным изданиям: «Сапожник Мартын, рассказ о том, как старик увидал во сне Христа и увидал наяву у себя в горнице» [19, с. 267].

Фабульный каркас повествования скрепляет оппозиция «этот мир – иной мир». Однажды пожилой одинокий сапожник, задремав за чтением Евангелия, слышит голос во сне, сообщающий, что на следующий день его посетит Господь. Ожидая чудесную встречу, старик оказывает добро людям, с которыми встречается, и не подозревает, что в этом и состоит свершение накануне услышанного обещания. Вечером, недоумевая, почему Христос так и не пришел к нему, он утешен видением, раскрывшим ему истину. «И понял Авдеич, что не обманул его сон, что точно приходил к нему в этот день Спаситель его и что точно он принял Его» [20, с. 45].

17 декабря 1886 года написана, на наш взгляд, программная краткая эстетическая статья Толстого – письмо «Тифлисским барышням», которая незаслуженно обойдена вниманием ученых. В ней писатель детально изложил, как, с его точки зрения, следует «передельвать» литературные источники народных книг [18, с. 429]. Сформулированными здесь «правилами» он руководствовался, создавая народные рассказы и драмы, в основу которых были положены фабулы произведений чужого авторства, а также фольклора.

Три способа усовершенствования «достоинства содержания» предназначались книгам разных жанров [Там же, с. 428]. Это азбуки, арифметики, истории, календари, картины, рассказы, романы и повести. Под «улучшением» содержания подразумевалось «прочитать и исправить, или вовсе переделать» источник. Первый способ представлял собой «исправление» опечаток, исторических и географических «бессмыслиц» [Там же, с. 429]. Второй способ более сложен в исполнении. Предлагалось «выкинуть» «места глупые или безнравственные», заменить их «такими, чтобы не нарушался смысл» [Там же]. Применение третьего способа требовало определенных литературных навыков: «под тем же заглавием и пользуясь фабулой» нужно было «составить» «свою повесть или роман с хорошим содержанием» [Там же]. Этим способом Толстой и воспользовался, обратившись к источнику рассказа «Где любовь, там и Бог».

9 марта 1885 года В. Г. Чертков отправил писателю «на просмотр» [19, с. 155] ежемесячный листок «Русский рабочий» с рассказом «Дядя Мартын» (1884, № 1, с. 3-6) [11]. К сопроводительному письму была приложена также чистая бумага для необходимых «изменений и дополнений» [11; 19, с. 155].

Публикация в «Русском рабочем» представляла собой анонимный перевод рассказа французского писателя Рубена Сайяна «Отец Мартин», впервые увидевшего свет в 1882 году [23, с. 190].

В. Г. Чертков отнесся к факту заимствования фабулы и идеи этого произведения небрежно, увлекшись его «мыслью», «важной» и «дорогой» [19, с. 155]. «Рассказ этот, – писал он Толстому, – переделан с иностранного и совсем уже потерял автора, а потому мы можем совсем свободно обращаться с этим рассказом» [Цит. по: Там же]. Как выяснилось впоследствии, «потерянный» автор нашелся и направлял в Ясную Поляну письма, в которых выражал недоумение в связи с отсутствием своего имени на обложке брошюры. Из-за опрометчивости В. Г. Черткова Толстому пришлось объяснять обстоятельства своей «переделки» «чудесного» рассказа Рубена Сайяна в письмах к нему за октябрь (?) 1888 года и от 20 марта 1899 года [17, с. 99; 23, с. 189]. В сложившейся ситуации обращает на себя внимание другая сторона некорректного поведения редактора «Посредника», менторский стиль его общения с Толстым. В наставительной манере он рекомендует переработать «сказку», сохранив при этом ее основную «мысль». «Желательно передать ее возможно трогательнее и убедительнее», – советует он в письме от 9 марта [19, с. 155].

В композиции «Дяди Мартына» преобладают конкретно-повествовательные эпизоды, в которые встроены миниатюрные описательные и психологические этюды. Стадии движения конфликта отчетливо

прослеживаются в сюжете. Так, социальный контекст акцентирован в экспозиции. Главный герой – старый башмачник Мартын Авдеич – принадлежит к слою городских ремесленников. Добросовестный труд приносит ему хороший заработок. «На бедность дядя Мартын не жаловался, концы с концами сводил... Закачки было сколько угодно, и все его работу хвалили» [11, л. 1]. Характеристика нравственных качеств Авдеича уже перенесена в завязку. Он «всегда был набожный, любил ходить в церковь и особенно внимательно и благоговейно вслушивался в чтение Евангелия» [Там же]. Тяжело переживал Мартын смерть единственной дочери. «Уж как горевал отец, так и сказать нельзя. “Все пропало, жить больше не для кого”, – твердил он и оплакивал свою малютку день и ночь» [Там же].

Развивают действие несколько частей. Авдеич посещает соседний батюшка отец Иван, который призывает его смириться с горькой участью и начать жить для Бога. «Не пропало то, что Господь на небо перенес – оно там целее будет, чем на земле. Есть там для тебя и другое сокровище – это Сам Господь; и для Него теперь жить надо» [Там же]. Чтение Евангелия нравственно воскресило Мартына. Он, наконец, справился с утратой и «вместо жалоб часто стал повторять: “Слава Тебе, Господи!”» [Там же]. Перестал ходить и по трактирам. Раньше «хоть не напивался, как другие, а все-таки не в полном рассудке выходил оттуда» [Там же]. «Отошло» также время, когда им «в досаде» говорились «бранные слова» [Там же].

В канун Рождества Мартын читал «начало» Евангелия от Луки, «где говорится про Рождество Христово, и дошел до этих слов: “спеленала Его и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице”» [Там же]. «Уж если б я в то время жил – нашлось бы Ему у меня местечко», – подумал Авдеич [Там же]. Он готов отдать дорогому гостю самое ценное – башмачки умершей дочери [Там же, л. 1 об.].

Задремав, Мартын слышит голос, который сообщает, что завтра его посетит Господь. «Он исполнит твоё желание: ...целый день смотри на улицу и постарайся узнать Его, потому что Он Сам тебе не откроется» [Там же].

Кульминация рассказа описывает добрые дела старого башмачника, которые тот совершает в ожидании Спасителя. Приглашает погреться и поит чаем дворника Степаныча. Завидев на улице женщину в лохмотьях с маленьким ребенком на руках, Мартын зовет ее к себе «съесть кусочек хлеба» и напоить малыша молоком [Там же, л. 3]. Увидев, что младенца не во что обуть, старик дарит ему башмачки своей дочери.

Авдеич оказывал посильную помощь нищим, которые проходили мимо его каморки, «протягивая окоченевшую руку» в окошко [Там же]. «То ломоть хлеба, то медная копейка попадали в эти руки» [Там же].

Развязка подтверждает неизбежность евангельского учения. Уже поздно вечером, так и не дождавшись Христа, Мартын «загрустил» и впал в уныние. «Это был сон, только сон, – шептал он, – а я думал, и в самом деле...» [Там же, л. 3 об.]. Задремав, он видит, как комната его наполняется людьми, с которыми он виделся днем. Степаныч, женщина с ребенком и нищие спрашивают его: «Разве ты не видал Меня?» [Там же]. «Да кто же вы такие?», – спрашивает «изумленный» башмачник у своих посетителей [Там же].

Завершают рассказ восемнадцатый и двадцать пятый стихи Евангелия от Матфея. «Тогда ребенок на руках женщины потянулся к старику, наклонился над Евангелием, которое он читал, и пальчиком указал на то место, где сказано: “Кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот меня принимает” (Матфея, 18. 5) и еще на эти слова: “Алкал Я, и вы дали мне есть, жаждал, и вы напоили Меня, был странником, и вы приняли Меня... Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне” (Матфея, 25)» [Там же].

Сквозная тема восемнадцатой главы – проповедь смирения. Ученики Христа позавидовали тому, что Он выделил Петра, когда повелел ему заплатить подать за Него и за себя, и задали своему учителю вопрос о том, «кто больше» в Царстве Небесном (Мф. 18, 1). Спаситель призвал дитя, поставил его среди апостолов и сказал: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное... кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном и кто примет одно такое дитя, тот и Меня принимает» (Мф. 18, 3-5). Как сказано в этих евангельских строках, людям следует быть детьми по смирению духа, почитать других, преодолевать зависть, гордыню и непомерное честолюбие.

Двадцать пятая глава повествует о втором пришествии Иисуса Христа «во славе Своей» (Мф. 25, 31) и Его суде «над всеми народами» (Мф. 25, 32). К «благословенным», которые наследуют Царство, «уготованное» им «от создания мира», Царь обращается так: «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25, 35-36). Согласно учению Христа, подобным образом должны строиться отношения между людьми, на основе взаимной любви, уважения и помощи: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40).

Манера переработки Толстого «Дяди Мартына» в «народную сказку» [23, с. 189] приоткрыта в его письме к Рубену Сайяну за октябрь (?) 1888 года. «Я лишь немного изменил стиль, прибавил несколько сцен», – объяснял писатель своему адресату [Там же].

В научной литературе эта проблема освещена подробнее. В общем и в частности все авторы повторяют друг друга, не отвечая по сути на главный вопрос: чем была вызвана правка текста. Так, по мысли А. Е. Грузинского, предшественники Толстого представили «далеко недостаточно и без всякой художественной ценности» бытовую обстановку Мартына и его ремесла [3, с. 57]. Толстой «улучшил» типы посетителей сапожника и их разговоры, «обогастил» характеристику самого Мартына [Там же, с. 57, 59, 62]. В. И. Срезневский был убежден, что «мелочи», «добавочные сцены», «типичные... сокращения всего лишнего» «являются такими важными и нужными, что рассказ получает в обработке Толстого совсем иную окраску» [10, с. 363]. А. И. Никифоров в дополнение к вышесказанному указал иные направления работы с «текстом анонима», такие, как снятие «сентиментальных особенностей» и «церковного колорита» – «рождественской рамки» [8, с. 683].

Обобщил все суждения Н. Н. Гусев. «Он освободил рассказ..., – отмечал биограф писателя, – от общего сентиментального тона и ненужных эффектов, удалил церковный элемент... придал жизненность и яркость всем действующим лицам» [4, с. 401].

О том, что Толстой «существенно изменил первоисточник», заявила уже на современном этапе З. А. Кущенко [6, с. 49]. С ее точки зрения, он «ввел новый эпизод примирения старухи и мальчика, упростил стиль повествования, снял церковный и сентиментальный тон, усилил национально русский бытовой колорит, ввел “подвально-сапожничью” точку зрения и в финал добавил мотив чудесного. ...Настойчиво работал над рассказом, стремясь усилить “учительный” пафос и приблизить повествование к эстетическим вкусам народного читателя» [Там же].

Дополним и уточним сложившуюся традицию. Толстой сохраняет формальные и содержательные свойства жанра рождественского рассказа: фабульный каркас и этическую модель источника, которую передает в финале двадцать пятая глава Евангелия о Матфея.

Некорректны утверждения о том, что был снят «церковный тон» или «церковный элемент». Исследователи не пояснили, что они подразумевали под этими формулировками. Философия произведения обусловлена представлениями Толстого о сущности христианства, о социальной роли института церкви и ее служителей. Первостепенное значение в религии писатель отводил не учению о мире и Боге, а ее нравственной основе, дающей ответ на вопрос: что придает смысл человеческой жизни. Напомним, что его составные части подробно развернуты в «Исповеди» (1879-1882).

Первая: «Что выйдет из того, что я делаю нынче, что буду делать завтра, – что выйдет из всей моей жизни?» [24, с. 16].

Вторая: «Зачем мне жить, зачем что-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?» [Там же].

И третья: «Есть ли в моей жизни смысл, который не уничтожился бы неизбежно предстоящей мне смертью?» [Там же, с. 17].

Смещение акцента с жизнеописания Иисуса Христа на Его учение в «Где любовь, там и Бог», как видим, отвечало духовным потребностям автора. Поэтому была снята «рождественская рамка», варианты упоминания праздника Рождества Христова и евангельский текст, повествующий об этом событии.

Переработка рассказа носит антицерковный и антиклерикальный характер. «Необъяснимыми» представлялись Толстому «таинства», «церковные службы, посты, поклонение лицам и иконам» [Там же, с. 47-48]. Преодолевая «противоречие» между верой и разумом, он постигает «смысл» народной веры. Народ, убежден писатель, «не так глуп, как мы думаем... если я хочу жить и понимать смысл жизни, то искать этого смысла жизни мне надо... у тех миллиардов отживших и живых людей, которые делают жизнь и на себе несут свою и нашу жизнь» [Там же, с. 32]. Именно народ помог приблизиться смятенной душе к «знанию веры»: «Слушал я разговор безграмотного мужика странника о Боге, о вере, о жизни, о спасении, и знание веры открылось мне. Сближался я с народом, слушал его суждения о жизни, о вере, и я все больше и больше понимал истину» [Там же, с. 52].

Эти строки в полной мере объясняют исключение из рождественской сказки фрагментов, в которых говорится о набожности героя, его посещениях церкви, а также замену образа батюшки отца Ивана на образ странника, посоветовавшего Мартыну читать Новый Завет.

Не менее важна для расшифровки мотивации Толстого-художника его гражданская позиция; сквозной стержень произведений 1880-х годов выражен антитезой «наш круг» – «трудовой народ» [Там же, с. 47]. Правящая элита пребывает в «условиях избытка», ее представители являются «подобием» и «паразитами» жизни. «Делает» жизнь только «простой трудовой народ» [Там же]. Поэтому из рассказа удаляется все, что связано с соотношением человека труда и «щегольской» жизни [11, л. 1].

Неверно утверждение о том, что писатель «вводит» «мотив чудесного» в финал. В данном аспекте он лишь видоизменяет источник. Видения и сны героя объединяют желаемое, должное и идеальное с реальностью, которая насыщена социальной несправедливостью и личной онтологической драмой человека.

Представления о том, что побуждало Толстого вносить ту или иную правку, а также об идейно-тематическом и композиционном своеобразии источника, позволяют обратиться к вопросу редакций рассказа «Где любовь, там и Бог», проследить его становление по рукописям.

Первой редакцией принято считать печатный текст «Русского рабочего» с правкой Толстого [11]. Так полагали В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшур и Е. С. Серебровская [9, с. 276].

Верна, на наш взгляд, точка зрения А. И. Никифорова, охарактеризовавшего работу писателя пером по печатному экземпляру журнала «первым видом рассказа» [8, с. 682], а последующие ее этапы – его «второй» и «третьей» «переделками» [Там же, с. 684-685].

Действительно, рассказ «Где любовь, там и Бог» вчерне сложился в рукописи, представляющей собой печатный экземпляр «Русского рабочего» с правкой Толстого между строк и на отдельных листах, которые заполнены вставками разного объема, как крупными, так и фрагментарными [11]. Работа была выполнена в краткие сроки, с 17 по 26, 27 (?) марта 1885 года. 17-18 марта, находясь в Симеизе, писатель сообщал В. Г. Черткову: «Получил вчера Ваше письмо и рассказ. Поправляю его. Может быть, будет лучше» [17, с. 154].

25-26 марта, из Москвы, написано тому же адресату: «Я вернулся 3 дня. Там получил одно письмо Ваше и рассказ из Р<усского Рабочего>. Я его поправил, как умел. Я думаю, лучше» [Там же, с. 157].

26, 27 (?) марта на московском вокзале Толстой уже передал рассказы «Ильяс» и «Где любовь, там и Бог» В. Г. Черткову [5, с. 600]. Об этом писатель сообщал 5 апреля Л. Д. Урусову: «Чертков проехал в деревню. Я выезжал к ним и отдал ему статейки. Я ту, из Рабочего, поправил» [18, с. 225].

На данном этапе оставлен фабульный каркас и основной пафос источника (двадцать пятая глава Евангелия от Матфея). Эти части сохраняются и в дальнейшем. В нравственно-философской теме автор исключил календарную привязку событий к Рождеству и описание предпраздничной городской суеты: «Был канун Рождества» [11, л. 1]; «На улицах, даже и в глухом переулке, былолюдно и шумно, каждый спешил туда и сюда, кто к церкви, кто с покупками, кто к родным на елку» [Там же, л. 1 об.]. Но евангельский текст о рождении Христа пока оставался без изменений.

Снимается фраза о набожности Мартына [Там же, л. 1]. Происходит постепенное смещение акцента с жизнеописания Христа на Его учение. Краткий эпизод, в котором Авдеич подает нищим, заменяют два новых варианта. Первый, зачеркнутый, посвящен ссоре двух мальчиков из-за яблока, с встроенным нравоучением: «Если кто отнимает у тебя кафтан, то отдай рубашку» [Там же, л. 2 об.]. Адаптированная для народа идея о непротивлении злу передает евангельскую истину: «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» (Мф. 5:40). Во втором варианте старик примиряет старуху-торговку и улично-го мальчика, укравшего у нее яблоко. Этот фрагмент сформирован без отсылок к христианским заповедям.

Трансформирует Толстой и тему смирения с цитатами и/или реминисценциями из евангельских текстов. Краткий эпизод беседы Авдеича и Степаныча значительно расширил вольный пересказ библейских событий, самого учения. Текст не только приспособлен для восприятия «простого» читателя, но и в своем роде превозносит его. «Когда Христос Батюшка по земле ходил, – говорит Мартын своему гостю, – не брезговал Он никем, а с простыми людьми возился. Не к Ироду, не к Пилату ходил, а набирал учеников из мытарей, из грешников, из рабочих, не хуже нас. Кто, говорил, возвышается, тот унизится, а кто унизится, тот возвысится. Вы меня, говорит, Господом называете, а Я, говорит, вам ноги умою. Кто хочет, говорит, быть первым, тот будь всем слуга. Потому что, говорит, блаженны нищие, смиренные, кроткие, милостивые» [Там же, л. 2]. Толстой передает смысл евангельских строк близко к тексту: «Большой из вас да будет все слуга; ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23: 11-12). Вероятно, во избежание повторов из развязки вычеркнут пятый стих восемнадцатой главы Евангелия от Матфея, завершающий развитие той же темы: «Кто примет одно такое дитя во Имя Мое, тот и Меня принимает» [Там же, л. 3 об.].

Гуманизм и гражданская позиция Толстого-просветителя проявились в социальной теме рассказа. Так, в экспозиции сначала говорится: «Было время, когда Авдеич был важный сапожник, работал всякую щегольскую обувь» [Там же, л. 1]. Во фразе определение «важный» заменяется другим: «ученый» [Там же]. Следуя правде жизни, художник отказывает в милосердии домовладельцам, пусть даже и «небогатым» [Там же, л. 1 об.]. Никто из них не удосужился дать Степанычу «звание» дворника, чтобы не превысить «плату» за труд. Укажем в квадратных скобках вычеркнутое: «Вот рассвело, и показался на улице Степаныч, старый-престарый [дворник] старик. [т.е. не дворник он, собственно, – этим званием его никто не величал, – а просто увечный, ни на что почти неспособный человек, который только и мог сгребать снег или подметать улицу перед домом, да и то с грехом пополам.] Жил он из милости у купца, и должность ему была дана помогать дворнику с тротуаров снег счищать. [Пять или шесть небогатых домовладельцев, сложившись между собою, отвели ему за этот сильный труд конуру для жилья и платили ничтожное вознаграждение, едва достаточное, чтобы не умереть ему с голоду с хворой женой. Милостыню просить Степаныч, однако, не решался, за что нередко получал выговор от жены; но старик был тихого нрава и на эти выговоры не обижался]» [Там же].

Работа над стилем источника не менее важна для писателя уже на раннем этапе. Приспосабливая поэтический язык произведения к речи и мышлению, образу жизни, быту народа, он по всему тексту заменял лексические формы: «каморка» – на «горенку» [Там же, л. 1], «башмак» – на «сапог» [Там же], «башмачник» – на «Авдеич», «Мартын» [Там же, л. 1 об., 3]. Литературное «клише» «напился чаю» сменило близкое народному пониманию словосочетание «поставил самовар» [Там же, л. 1 об.]; аналогично поправлено сопереживание Авдеича своей гостье с ребенком: «Бедная, бедная» – на «Вишь, сердечная» [Там же, л. 3]. По той же причине в его репликах к ней и в речи повествователя исключается книжное слово «красавица» [Там же] и т.д.

Первая копия двухчастна [12; 13]. Ее вводная часть не исправлена Толстым, включает экспозицию и обрывается на начале завязки: «Жил сапожник Мартын Авдеич в подвальном этаже старого каменного дома в одном из глухих переулков большого города. ... Дядя Мартын всегда любил ходить в церковь и особенно внимательно и благоговейно» [12, л. 1 – 1 об.].

Над второй частью автор тщательно трудился. Теперь он сосредоточен на религиозно-философской проблематике и образной системе (главный герой, детская тема рождественской сказки), что выделило идейно-художественную значимость толстовского психологизма. Дальнейшее развитие получила социальная тема. Стилистическая отделка источника упрощала его синтаксис. Дробились большие, сложные для восприятия предложения. Наглядный пример из экспозиции: «Жил в городе сапожник Мартын Авдеич. Жил он в подвале большого каменного дома» [13, л. 2].

Религиозно-философский контекст формировался с нескольких сторон. Было выбрано заглавие-афоризм, передающее основную мысль рассказа: «Где любовь, там и Бог» [Там же]. Обновленная характеристика Авдеича проявила положительные черты его внутреннего облика (честность, добродетельность, любовь к Богу, боязнь наказания за грехи, берегающая от соблазнов); оказался опущен вариант с посещением героем церкви. В нижнем слое рукописи читаем: «Дядя Мартын всегда любил ходить в церковь и особенно внимательно и благоговейно вслушивался в чтение Евангелия» [Там же, л. 2 об.]. После правки стало иначе: «Жил Авдеич всегда хорошо и Бога помнил, но под старость стал еще больше об душе своей и о Божьем суде думать» [Там же].

Более заметной стала рецепция библейской сюжетности. Появляются новые сведения и факты: о праведных Захарии и Елисавете, родителях Иоанна Крестителя, подробности рождения Христа. Упоминание последней,

шестнадцатой, главы Евангелия от Марка отсылает к воскресению Иисуса Христа, явлению воскресшего Марии Магдалине и двум ученикам, к поучению Господа апостолам и Его вознесению [Там же, л. 3].

Укрепилась связь фантастического, чудесного мира с реальностью. Так, очнувшись после забытья, Мартын не может осознать, во сне или наяву он слышал голос, сообщающий ему о важном предстоящем событии [Там же, л. 3 об.]. В развязке сместился акцент с реальных посетителей Авдеича – Степаныча, женщины с ребенком и старухи с мальчиком на фантастический образ: «И говорит чей-то голос: а ты не узнал меня? – Кого? – проговорил Авдеич. – Меня, – сказал голос» [Там же, л. 4].

С особой теплотой работал Толстой над детской темой. Если в источнике история умершей дочери героя упоминалась вскользь, то новый вариант этого эпизода получился трогательным и душевным. Сначала писатель называет девочку Настей [11, л. 1 об.], затем – Катенькой [13, л. 2 об.]. Убедительно показаны все грани душевных терзаний, пережитых отцом после смерти ребенка.

В русле «опрощения» корректировалась социальная тема. Поэтому в описании профессиональной деятельности сапожника были исключены сведения о его «важности» и заказах от господ. На передний план выдвинулся мотив слияния героя с трудящимся людом большого города. «Было время, – рассказывает повествователь, – когда Авдеич был важный сапожник, работал всякую щегольскую обувь, но старость пришла, зрение стало слабеть, и теперь уж он доволен и тем, что может так искусно и прочно закладывать заплатки к чужому труду» [11, л. 1]. Позднее эта часть стала показательным примером скрытого авторского присутствия в тексте: «Было время, Авдеич работал у больших хозяев с вывесками – шивал и штиблеты и дамские ботинки с французскими каблуками, да и уж давно стал Авдеич жить сам по себе – и стал черную работу работать» [13, л. 2]. В 1884 году, затеяв «сапожную работу» в Ясной Поляне, Толстой отказался от «хитрых штук» для «элегантной» обуви и заказал в Москве «хорошие вещи»: молотки, клещи, шильяфоршики, ножи, инструменты соскребать гвозди, пряжу, щетинки, гвозди, вар [1, с. 14].

Новые важные смысловые акценты добавились в произведение во второй копии [14]; при этом его сюжетный остов и образный строй не изменились. На данном этапе впервые вводится тема солдатства, настойчиво заявляют о себе пацифистские воззрения писателя. Трактат «В чем моя вера?» (1884) подробно развивает идею о том, что «воевать, т.е. убивать чужих, незнакомых людей... есть самое ужасное злодейство» и «признак самого дикого невежества», неспособного «противодействовать злым»; в «законе зуб за зуб» писатель находил следствие «исповедания Христа на словах» и «отрицания» Его учения «на деле» [24, с. 314, 325, 369]. Печальные последствия милитаризма ощущали на себе как сами выжившие участники, так и близкие «враждующих» и погибших. Таковы в рассказе отставной солдат Степаныч, выброшенный государственной системой после окончания срока службы на улицу [14, л. 4], и женщина с ребенком, которой оказывает помощь Авдеич, жена солдата [Там же, л. 5 об.].

Религиозно-философское повествование углубила библейская рецепция. Появились отступления, отсылающие к Евангелию от Луки, сначала к четвертой главе с темами искушений Христа в пустыне и последующих Его проповедей, затем к седьмой главе, ключевым ее фрагментам: историям сотника и сына вдовы, к ответу Иисуса ученикам Иоанна Крестителя, о посещении Христа богатого фарисея и Его прощении покающейся грешницы [Там же, л. 2 об.]. Смещение акцента с жизнеописания Христа на Его учение завершилось. Две поправки закрепили связь реального и фантастического «миров»: исключение мотива сомнения героев во встрече с Христом [Там же, л. 5] и новая концовка: «И понял Авдеич, что не обманул его сон, что точно приходил к нему в этот день Спаситель его и что точно он принял Его» [Там же, л. 10 об.].

В третьей [15] и четвертой [16] копиях Толстой сосредоточился на деталях художественного целого. Новые поправки фиксировали значимые черты психологического облика героев, их портрета, подчеркивали своеобразие действия, бытовых картин, языковых характеристик. Убогость жилья сапожника, его горенки выявила вставка «об одном окне» [15, л. 1]. Подробности нищенского существования женщины с ребенком усилили обличительный «тон» сказки: третий месяц она «бьется» без места, не может устроиться в кормилицы, так как «худая», заложила с себя всю теплую одежду [16, л. 14]. Мальчишку, укравшего у старухи яблоко, писатель одел в «рванный картуз» [15, л. 7]. В описании духовного наставника сапожника изменилась одна деталь. Теперь это не священник, а «землячок-старичок», который проводит свою жизнь в странствиях [16, л. 3].

Трудолюбие Авдеича выделили эскизы-миниатюры. Он узнает людей по своей «работе», «по сапогам» [15, л. 2]. Проводив Степаныча, Мартын не празднично ожидает Христа: «снова» садится к окну за работу, «строчит, а сам все поглядывает» [16, л. 11 об.]. Трогательны строки о том, как он нянчится с ребенком солдатки, «забавляет плачущего мальчугана» [Там же, л. 13 об.]. Колорит народной речи придали новые варианты реплик и поступков героев. Теперь старуха уже не «поймала», а «сцапала» «малого за рукав» [15, л. 7]. «Я его так прошу, что он до новых веников не забудет», – ворчливо говорит она Авдеичу [Там же, л. 7 об.] и т.п.

Исправление копий заняло весть апрель и первые числа мая 1885 года (до 10 числа). Этот этап отражен в эпистолярном общении Толстого, в его письмах к Л. Д. Урусову от 15 (?) апреля – «поправил Мартына» [18, с. 235], от 26 апреля к В. Г. Черткову – «Пишу Вам от Сытина. Хотел с ним послать назад свой рассказ, но я очень перемарал его и не успел переписать, да и то не совсем доволен» [19, с. 171]. 2 мая писатель сообщил В. Г. Черткову о том, что «завтра» (т.е. 3 мая) он собирается отдать в набор «Сапожника» [Там же, с. 173]. На первом листе четвертой копии [16], служившей наборной рукописью, стоит датировка издательства – 10 мая, № 112 [Там же, л. 1]. К 17 мая были уже готовы корректуры, которые привез автору И. Д. Сытин. «Я нынче окончательно поправил... – следует из письма Толстого к В. Г. Черткову от 17 мая. – Мне это очень нравится» [19, с. 204]. 24 мая было получено цензурное разрешение, и в первых числах июня, «около 9», рассказ был опубликован «Посредником» [5, с. 609].

Итак, рассказ «Где любовь, там и Бог» (17 марта – 17 мая 1885 года) представляет собой пример оригинальной обработки Толстого литературного источника. Им явилась рождественская сказка «Отец Мартин» французского писателя Рубена Сайяна; ее перевод на русский язык – рассказ «Дядя Мартын» – был анонимно опубликован в журнале духовно-нравственного направления «Русский рабочий» (1884, № 1).

Жанр рождественского рассказа под пером Толстого видоизменился. Оставлены основные его черты: тема возрождения внутреннего мира человека под воздействием евангельского учения, нравственный пафос, детские образы, мотив домашнего очага, счастливый финал, связь фантастического, чудесного мира и реальности. В повествование были добавлены сцены из российской действительности тех лет. Эти части отражают наблюдения автора над жизнью элиты и демократических слоев города, раскрывают его острую критику государственной системы (истории Авдеича, бывшего солдата Степаныча, солдатки с ребенком, старухи и мальчика). Образная система, художественные приемы, изобразительно-выразительные средства, эстетическая общность всех элементов содержания и формы отразили речь и мышление, образ жизни, быт русского народа.

Календарная составляющая осмыслена писателем вне связи с традицией. Он не привязывает сюжет к празднику Рождества. Религиозно-философская патетика толстовской сказки акцентирует ценность евангельского учения, его доброту и правдивость («Предисловие к сборнику “Цветник”», 1886). Проповедь и земной путь Спасителя составляют суть утопической модели идеального для Толстого общества, пацифизма и антимилитаризма автора (истории богатого фарисея и покаявшейся грешницы, идеи смирения, любви к людям, непротивления злу).

Вопрос редакций рассказа «Где любовь, там и Бог» решен в литературоведческом ключе, как анализ становления элементов художественного целого от рукописи к рукописи, с привлечением всех известных к настоящему времени черновых материалов. Текстологическое исследование не выявило предпосылок для обоснования нескольких редакций произведения. На начальном этапе, в рукописи, Толстой оставил фабульный каркас и поучение источника (двадцать пятая глава Евангелия от Матфея, тема любви к ближнему), но значительно расширил библейской рецепцией тему смирения, связал повествование с российской действительностью. Затем, в первой и второй копиях, появились новые важные смысловые поправки: заглавие-афоризм, тема солдата, пацифистские и антимилитаристские, социальные мотивы, смещение акцента с жизнеописания Христа (привязка к церковному празднику) на Его учение (истории богатого фарисея и покаявшейся грешницы). На заключительной стадии тщательно просматривались частности, детали портрета, быта, народной речи, психологического облика. В целом написание этого рассказа соответствовало творческой манере позднего Толстого. От общего – «больших пропорций» – происходил плавный переход к частностям, к «обозначению более мелких деталей» [2, с. 311]. Писатель был готов «обрабатывать» их «до бесконечности» [Там же]. Об этом красноречиво свидетельствует рукописный фонд его сочинений.

Список источников

1. Бирюков П. Биография Л. Н. Толстого: в 2-х кн. М.: Алгоритм, 2000. Кн. 2. 656 с.
2. Гольденвейзер А. Вблизи Толстого. Воспоминания. М.: Захаров, 2002. 656 с.
3. Грузинский А. Е. Источники рассказа Л. Н. Толстого «Где любовь, там и Бог» // Голос минувшего. 1913. № 3. С. 52-63.
4. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М.: Наука, 1970. 557 с.
5. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828-1890. М.: ГИХЛ, 1958. 837 с.
6. Кушенко З. А. «Где любовь, там и Бог» // Л. Н. Толстой: энциклопедия / сост. и науч. ред. Н. И. Бурнашева. М.: Просвещение, 2009. С. 49-50.
7. Макеева С. Г., Михеенко О. С. Календарные рассказы духовно-нравственной тематики как литературное явление // Ярославский педагогический вестник. Серия «Гуманитарные науки». 2013. Т. 1. № 4. С. 243-246.
8. Никифоров А. И. «Где любовь, там и Бог». История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1937. Т. 25. С. 681-686.
9. Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого / сост. В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровская; общ. ред. В. А. Жданова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 634 с.
10. Срезневский В. И. Примечания // Толстой Л. Н. Полное собрание художественных произведений: в 15-ти т. / ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М. – Л.: Государственное издательство, 1930. Т. 10. С. 361-380.
11. Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог // Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (ОР ГМТ). Ф. 1. Оп. 1.
12. Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 1а.
13. Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 2.
14. Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 3.
15. Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 4.
16. Толстой Л. Н. Где любовь, там и Бог // ОР ГМТ. Ф. 1. Оп. 5.
17. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1933. Т. 72. 633 с.
18. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1934. Т. 63. 524 с.
19. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1935. Т. 85. 464 с.
20. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1937. Т. 25. 914 с.
21. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1938. Т. 83. 638 с.
22. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1952. Т. 48. 540 с.
23. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1953. Т. 64. 398 с.
24. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1957. Т. 23. 594 с.
25. Эстетика: словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. М.: Политгиздат, 1989. 447 с.

**CREATION HISTORY AND POETICS
OF THE STORY “WHERE LOVE IS, THERE GOD IS ALSO” BY L. N. TOLSTOY**

Sizova Irina Igorevna, Ph. D. in Philology

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
u_sizova@bk.ru*

For the first time, on the basis of all the manuscripts known to date, the article discusses the history of creation, as well as the problems of the versions of the literary source of the story “Where Love Is, There God Is Also” by Leo Tolstoy. Previously unrecorded archival materials are introduced into scientific circulation. The formation of poetics elements in this work is traced fully and comprehensively through the entire manuscript fund, in contrast to the established scientific tradition: our predecessors addressed only selectively published fragments. The author presents a new view on the writer’s comprehension of the literary source of the story – the Christmas fairy tale “Father Martin” by the French writer Ruben Saillens. The literary-biographical material shows how this work met Tolstoy’s aesthetic and moral-philosophical views, revealed his civic position.

Key words and phrases: Leo Tolstoy; “Where Love Is, There God Is Also”; dating; version; variant; text history; poetics; literary source; Ruben Saillens; genre of the Christmas story.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 04.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.11>

В статье исследуется концептуализация эстетического понятия «красота» на материале рассказа известного современного прозаика, лауреата престижных литературных премий Юрия Васильевича Буйды «Ла Тунь». Выявлены, во-первых, авторские способы, формирующие онтологическое и аксиологическое звучание идеи красоты (мифологическая символика и фольклорная атрибуция); во-вторых, специфика ее образной репрезентации (прекрасная китаянка Ла Тунь как эталон красоты); семантическая структура эстетической константы (смысловое ядро – категория «прекрасное» – и периферийные составляющие, представленные деталями). Концепт «красота» создается через культурную рефлексю в контексте человеческого существования, в котором частная жизнь оказывается элементом бытия в целом. Экзистенциальный опыт переживания маргинальными героями идеала карнавализуется автором посредством принципа амбивалентности. В результате возникающая оппозиция «реальное – иллюзорное» приобретает онтологическое значение. Буйда конструирует образ латунной красоты как ложной гармонии в противовес утвердившемуся пониманию красоты, выраженной в формуле «золотого сечения».

Ключевые слова и фразы: современная русская проза; рассказ; Буйда; концепт; красота; модель мира; идеал.

Сизых Оксана Васильевна, к. филол. н.

*Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
777ruslit@mail.ru*

КОНЦЕПТ «КРАСОТА» В РАССКАЗЕ Ю. В. БУЙДЫ «ЛА ТУНЬ»

Литературный путь Юрия Буйды начинается с 1991 года публикацией метафорического эссе «Люди-на острове», раскрывающего конфликтность мира и поиск человеком пути к преодолению одиночества, что станет магистральной проблемой всего творчества писателя. Буйда является постоянным автором многих авторитетных журналов: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» и др., – редакционная политика которых предусматривает безупречный художественный уровень и мастерство стиля. **Актуальность** данной статьи объясняется обращением современных писателей к проблеме нравственного возрождения человека, пребывающего в маргинальном мире, но имеющего внутреннюю потребность соприкосновения с идеальным. Онтологическая и аксиологическая составляющая концепта «красота» у Буйды раскрывается посредством исследования поэтики рассказа «Ла Тунь», в котором эстетическая категория есть гарант духовного возрождения человека. Прозаик настаивает на том, что центром мира является человек, а источником его существования оказываются духовные потребности, определяющие подлинное бытие.

Изучению «малой прозы» Буйды посвящены ряд литературоведческих работ, среди них наиболее концептуальными представляются статьи М. В. Безрукавой [1], М. А. Дмитровской и К. А. Дегтяренко [6], М. В. Гавриловой [4], Т. В. Сорокиной [11], Е. В. Копыриной [9], Т. Г. Прохоровой [10], И. К. Ивановой [8], О. В. Дедюхиной [5] и др., анализирующие проблематику и поэтику ряда рассказов прозаика. Однако нет достаточного количества литературоведческих работ, исследующих книгу «Жунгли», состоящую из 17 произведений, а рассказ «Ла Тунь» никогда не являлся предметом литературоведческой интерпретации.

Научная новизна работы определяется онтологической и аксиологической трактовкой концепта «красота», что не являлось предметом исследования в других литературоведческих работах, посвященных поэтике рассказов Буйды. **Цель** статьи – выявление смысловой коннотации концепта «красота» с моделью мира